

Бренькова Александра Сергеевна

УТОПИЯ НЕНАСИЛИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

Статья раскрывает основные понятия философской системы Л. Н. Толстого, показывает основания двух полюсов его доктрины – закона любви и закона насилия. Рассматриваются социальные аспекты учения мыслителя, его отношение к государству и Церкви. Особое внимание автор обращает на конечную цель изменения человечества, показывает ее утопичность как по методам достижения, так и по изначальной идейной основе, а также отмечает исторические попытки практической реализации проекта философа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 30-32. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 1(091)

Философские науки

Статья раскрывает основные понятия философской системы Л. Н. Толстого, показывает основания двух полюсов его доктрины – закона любви и закона насилия. Рассматриваются социальные аспекты учения мыслителя, его отношение к государству и Церкви. Особое внимание автор обращает на конечную цель изменения человечества, показывает ее утопичность как по методам достижения, так и по изначальной идейной основе, а также отмечает исторические попытки практической реализации проекта философа.

Ключевые слова и фразы: ненасилие; закон любви; утопия; истинная религия; смысл жизни; разумное сознание; опрощение.

Бренькова Александра Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

bylonkob@mail.ru

УТОПИЯ НЕНАСИЛИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО[©]

Л. Н. Толстой широко известен не только как писатель с мировым именем, но и как создатель философской системы, до сих пор вызывающей самые разнообразные оценки в среде исследователей. Его концепция представляет собой проект истинной жизни, который необходимо применить здесь и сейчас и который сам мыслитель более или менее успешно старался осуществить применительно к себе.

Успешная реализация утопии Л. Н. Толстого зависит, прежде всего, от получения истинного знания, благодаря которому достигается верное понимание мира и места человека в нем. С этой задачей наука справиться никак не может из-за относительного характера получаемых результатов, а также экспериментальной направленности. Последнее является признаком ее извращения, поскольку описание «того, что есть», человечеству совершенно не нужно, ибо «мы все так или иначе знаем» [6, с. 504]. На место науки мыслителем ставится религия, так как она одна может помочь человеку в его самоопределении. Однако это относится только к истинной религии, которая есть «такое согласное с разумом и знаниями человека установленное им отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками» [12, с. 20]. Ее всегда можно отличить по утверждению равенства всех людей (в том числе, естественно, и перед Богом), поэтому при зарождении она всегда оказывается гонимой со стороны тех, кому неравенство выгодно, и извращенной ими же. Это, прежде всего, относится к институту Церкви, целью которого и является неверное толкование истинной религии для укрепления собственной власти.

В «Исповеди» Л. Н. Толстой довольно четко формулирует отличие своего понимания истины от догматических церковных установок: «Я ишу веру, силы жизни, а они ищут наилучшего средства исполнения перед людьми известных человеческих обязанностей. И, исполняя эти человеческие дела, они и исполняют их по-человечески» [7, с. 105], то есть с применением насильственных методов. Насилие, с точки зрения философа, можно охарактеризовать как любое воздействие на чужую волю, совершенное вопреки ее согласию и подкрепленное прямым или косвенным использованием силы [2, с. 154]. Согласно такому определению, государство в первую очередь оказывается проводником насилия в обществе и, следовательно, должно быть неприемлемо для существ «разумных». Мыслитель подробно рассматривает, как представители властных структур пытаются соединить сущность истинной религии с оправданием насилия. Самым грубым способом является прямолинейное утверждение, что насилие вообще не противоречит учению Христа, но говорящие это настолько слились со своей личной, животной сущностью, что уже не в состоянии принять очевидных вещей. Для церковных деятелей более характерны рассуждения о злодеях, которых невозможно вразумить никаким другим способом, кроме как насилием, и признание необязательности выполнения заповеди ненасилия в том случае, когда зло направлено не против самого человека, а против его ближнего. И, наконец, самые изощренные способы – это попытка свести полное отрицание заповеди к отдельным случаям ее нарушения и игнорирование существования самого вопроса. Последним способом, по оценке писателя, пользуются критики его работ [11, с. 217]. Сам Л. Н. Толстой приводит два возможных ответа: либо признание абсолютной возможности разделения добра от зла и последующей борьбы с последним, либо, если такой критерий найти затруднительно, принять то решение, которое предложил Христос, – не отвечать злом на зло (то есть на то, что мы считаем злом). Первое решение человечество применяет со времени своего существования, и его малую эффективность подтверждать не требуется. Тогда нужно отказаться от закона талиона и признать некомпетентность людей в вопросах разделения добра и зла. Философия ненасилия, таким образом, оказывается логичным решением этой проблемы и важнейшим постулатом, который необходимо популяризировать в общественном сознании [3, с. 168].

Этот главный постулат как истинной религии Л. Н. Толстого, так и его философской системы оказывает наиболее спорным. Однако, по мнению мыслителя, сущность единственно верного закона ненасилия настолько проста и, более того, свойственна всем без исключения, что достаточно признать его основой

человеческого существования – и смысл жизни найден. Однако понимание этого по силам только разумной личности, и оно начинается в признании невозможности счастья при современном существовании человека.

Действительная жизнь проявляется в подавлении животного искания прекрасного индивидуального существования и преобладании разума. Мыслитель полагал очевидным утверждение, что истинная жизнь человека не может заключаться в достижении личностного блага. Осознание и принятие этого положения означает одновременно и пробуждение «разумного сознания», и его доминирование над «животной личностью». Невозможность блага личного существования заключается, по мнению философа, в наличии трех факторов: борьбы ищущих личного блага существ между собой, обмана наслаждения, приводящего к пресыщению и страданиям, и смерти [8, с. 65]. Первый из них преодолевается сознательным утверждением приоритета разума и, следовательно, стремлением к общему, а не индивидуальному счастью. Соответственно, жизнь не тратится на поиск удовольствий и удовлетворения животной сущности человека. Однако при истинной жизни страдания и смерть обращаются в союзников, а не противников. Боль оказывается необходимым указателем животной личности человека на необходимость разумного существования, а непрерывное страдание сопутствует любому человеку, понимающему несоответствие положения дел в мире истинной жизни. Если, считает Л. Н. Толстой, человек может ощущать себя *только* совсем правым (что как признак кардинального консерватизма в собственном развитии осуждается философом) или совсем виноватым, то последняя характеристика должна быть свойственна всем разумным людям. Именно они и только они «хотят совершенствоваться и разум свой употребляют на познание того, что должно быть» [6, с. 519]. Последнее является одновременно и задачей действительной науки, которая, таким образом, по своему предмету совпадает с истинной религией. Так же как страдания имеют положительную функцию в мире, той же самой цели служит и страх смерти. Он в своей наиболее острой форме свойственен людям, в чьей жизни животное начало является преобладающим. Акцентируя внимание на своем теле, существующем в пространстве и во времени, они ставят вопрос о жизни после смерти. Но сама эта формулировка, как старательно показывает мыслитель, ошибочна, так как душа человека божественна и бессмертна. Для того, кто знает себя «по своему возросшему любовному отношению к миру, уничтожение тени пространственных и временных условий есть только признак большей степени света» [8, с. 106]. Страдая от несовершенства мира, но признавая и выполняя закон, сформулированный истинной религией, человек радостно должен встречать свой конец, ибо он дает ему возможность предельного выполнения заповедей абсолютной любви и всеобщего единения.

Л. Н. Толстой не ставит знак равенства между христианством и общим мировым законом, выраженным в истинной религии. Его отражение можно найти как в восточных (конфуцианство, даосизм, буддизм, брахманизм), так и в авраамических (ислам, иудаизм) религиях. Из требования абсолютного равенства людей вытекает и принцип отношений их между собой: поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой. Закон любви – важнейшее и наиболее утопичное положение философии мыслителя. Его выполнение является смыслом жизни человека и гарантией вечной счастливой жизни. Само понятие любви, как отмечают некоторые исследователи [4, с. 167], нигде широко не раскрывается. Однако философ достаточно говорит о применении этого закона, утверждая ведущим принципом непричинение зла окружающим. Любое подчинение возможно только на добровольной основе и в согласии с постулатами истинной религии. Сам философ утверждает, что «в делах, нарушающих волю бога... я не могу подчиняться и повиноваться никому; но в делах, не нарушающих волю бога, я готов подчиняться и повиноваться царю, какой бы он не был» [5, с. 240]. Борьба с государством можно только путем нравственного самосовершенствования людей, в результате которого этот институт окажется невостребованным. Из отрицания властных структур в частности и насилия в целом следует и отрицание клятвы и присяги, судопроизводства и уплаты налогов, военной службы. В критической литературе можно встретить мнение, что отказ от всего вышеперечисленного является не следствием изменения нравственного уровня людей, а применяется с вполне прикладной целью: «обессилить этим правительство» [13, с. 5]. Здесь, возможно, имеет место несоответствие между теорией и практическими элементами ее воплощения, что косвенно подтверждает ее утопический характер.

Как нет необходимости в государстве, так нет социальных оснований и для института Церкви, так как в Евангелиях она не описана в том виде, в каком существует на данный момент. Поскольку чудеса и вообще мистический элемент церковного учения рассматривается мыслителем как средство извращения религии, то внешняя молитва, почитание икон, таинства оказываются фасадом, за которым удобно спрятана сущность всеобщего учения.

Философ в письме к Н. Н. Страху утверждает относительность самих понятий добра и зла и определяет их как «материалы, из которых образуется красота – то есть то, что мы любим без причины, без пользы, без нужды» [10, с. 732]. В основе истинной религии как раз и лежит красота – красота духовная, главным условием которой является простота. Для Л. Н. Толстого из христианской морали вытекает стремление к «опрощению» своего образа жизни, чтобы не заставлять своих ближних работать на себя. Абсолютизацию последнего утверждения невозможно себе представить, так как даже эталонное для мыслителя крестьянское хозяйство не является *полностью* автономным. Представляет интерес также и то обстоятельство, что точно не определяется природа импульса, заставляющего человека сделать шаг к всеобщему закону и его социальным последствиям. Сам философ утверждает силу нравственной идеи, которая одна способна изменить общество. Но разум человека изначально смотрит на жизнь с животной, личной точки зрения, и принуждать его к принятию положений истинной религии, пробуждению «разумного сознания» невозможно по определению. В такое кардинальное изменение человека Л. Н. Толстой просто верит. В связи с этим можно согласиться с Н. Я. Гротом, который называл не просто недостатками, но ошибками философа чрезмерный и узкий идеализм и спиритуализм [1, с. 211].

Как мистичной оказывается отправная точка возникновения Царства Божьего, так утопичным является его описание. Идеальное состояние человечества рассматривается философом как установление «такого строя жизни, при котором царствующие теперь раздор, обман и насилие будут заменены свободным согласием, правдой и братской любовью людей между собой» [9, с. 206]. И самое привлекательное, что для осуществления этой соблазнительной картины «человеку не нужно делать никаких подвигов и поступков, а нужно сделать только внутреннее усилие сознания» [11, с. 406]. Это действие, несомненно, носит свободный характер и означает принятие закона любви, абсолютность которого вполне может пониматься как ущемление этой свободы.

Прикладной характер учения Л. Н. Толстого дал возможность не только образованию общин на его основе, но и критике, доказывающей утопичность положений мыслителя, исходя из фактов его жизни. Так, исследователи считают, что самым лучшим доказательством ложности толстовского учения о любви является то, что сам писатель не смог воплотить ее в своей собственной жизни [4, с. 175]. Однако, несмотря на противоречивость оценок, философские воззрения писателя остаются весьма заметным фактом культурной жизни России не только в XIX веке, но и по сей день.

Список литературы

1. Грот Н. Я. Нравственные идеалы нашего времени: Фридрих Ницше и Лев Толстой // Л. Н. Толстой: pro et contra: личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 196-215.
2. Ключова М. Л. Сила зла и зло силы: проблема соотношения понятий зла и насилия в нравственно-религиозном учении Л. Н. Толстого // Философия ненасилия Л. Н. Толстого: точки зрения / под ред. А. А. Гусейнова, Б. В. Емельянова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 135-156.
3. Петров Д. С. Специфика эволюции политических взглядов Л. Н. Толстого после «идейного перелома» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14). Ч. II. С. 166-169.
4. Сабиров В. Ш., Сонна С. О. Жизнь и смерть, любовь и насилие: учение о непротивлении, этика и философия Л. Н. Толстого // Философия ненасилия Л. Н. Толстого: точки зрения / под ред. А. А. Гусейнова, Б. В. Емельянова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 166-186.
5. Толстой Л. Н. Бессмысленные мечтания // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22-х т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 17. Публицистические произведения. 1886-1908.
6. Толстой Л. Н. Записки христианина // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22-х т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 21. Дневники. 1847-1894. С. 304-522.
7. Толстой Л. Н. Исповедь: вступление к ненапечатанному сочинению // Л. Н. Толстой: pro et contra: личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 55-108.
8. Толстой Л. Н. О жизни // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22-х т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 17. Публицистические произведения. 1886-1908. С. 14-129.
9. Толстой Л. Н. Ответ на определение Синода от 20-22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22-х т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 17. Публицистические произведения. 1886-1908. С. 201-206.
10. Толстой Л. Н. Письмо Н. Н. Страхову. 11 мая 1873 г., Ясная Поляна // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22-х т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 18. Письма. 1842-1881.
11. Толстой Л. Н. Царство божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание // Толстой Л. Н. Избранные философские произведения / сост. Н. П. Семькин. М.: Просвещение, 1992. С. 211-419.
12. Толстой Л. Н. Что такое религия и в чем сущность ее // Толстой Л. Н. Избранные философские произведения / сост. Н. П. Семькин. М.: Просвещение, 1992. С. 17-47.
13. Троицкий-Сенютович П. Толстовцы и толстовщина у нас на Руси. Одесса: Славянская типография Е. Хрисогелос, 1908. 24 с.

L. N. TOLSTOI'S NON-VIOLENCE UTOPIA

Bren'kova Aleksandra Sergeevna
St. Petersburg State University
bylonkob@mail.ru

The author reveals the basic notions of L. N. Tolstoi's philosophical system, shows the bases of two poles of his doctrine – the law of love and the law of violence, considers the social aspects of the thinker's doctrine, his attitude to the state and Church, pays particular attention to the ultimate goal of changing humanity, shows the utopian nature of both its achievement methods, and original ideological basis, and also mentions the historical attempts of the philosopher's project practical implementation.

Key words and phrases: non-violence; law of love; utopia; true religion; meaning of life; rational consciousness; simplification.